

Е. М. Лупанова

ИМПОРТ В РОССИЮ НЕМЕЦКИХ ИДЕЙ В СФЕРЕ ЛЕСООХРАНЫ В XVIII в.

Российская политика в сфере лесоохраны в XVIII в. — это своеобразный синтез французского и немецкого подходов к решению проблемы. Для Франции XVIII в. характерна вера в силу закона и благонадежность чиновников и, соответственно, решение проблем путем реорганизаций ведомств и законотворчества. В Пруссии и Саксонии государственная власть верила в силу знания, научный подход, точный математический расчет, возможность подчинения природы выверенным формулам¹. В России же реорганизация аппарата власти по времени совпадает со становлением науки. В частности, это находит свое отражение в становлении лесоохраны, одновременно с разработкой законодательства и учреждением новых должностей шла работа по составлению кадастров и научному изучению лесов.

Собственно история лесоохраны в России восходит к началу правления Петра I, когда в связи со строительством флота и интенсификацией развития промышленности были осознаны важность данного ресурса, его исчерпаемость, необходимость бережного отношения к нему. Петровское законодательство в сфере лесоохраны — это объявление лесов государственным достоянием, запреты на вырубку ценных пород деревьев вблизи сплавных рек, установление строгих санкций за нарушение запретов, учреждение вальдмейстерской службы, специализировавшейся на охране лесов. В этом проявилась «французская тенденция», которая в дальнейшем получила развитие.

Практически тогда же начинается и импорт немецкой идеи научного изучения как основы эффективного хозяйства. Точный подсчет, измерение, использование математических методов виделись гарантиями успешного управления и использования.

В свете таких представлений составление кадастров, первые из которых появились накануне Северной войны, было важным начинани-

ем, связанным со становлением природоохранной политики. Изначально описания проводились фрагментарно, с целью решения конкретных практических задач. Со временем, к 1720-м годам, они стали более полными и подробными. Проводились планомерные систематические однотипные обследования лесных массивов на берегах рек Новгородской губернии, в окрестностях Петербурга, на островах и в дельте, в окрестностях Петербурга, на островах и в дельте Невы. В историографии имеется гипотеза о том, что в этот период была описана большая часть лесов Европейской России, однако ее подтверждение требует продолжения архивных поисков. Описания проводились преимущественно силами военно-морского ведомства, к их проведению в качестве практики привлекались ученики Морской академии². Масштабные работы по описанию лесов проводились затем в 1730-е и 1790-е годы³. Благодаря им огромные пространства лесов Европейской части России были «приведены в известность».

Существуют немногочисленные свидетельства о попытках Петра I пригласить в Россию «людей, искусных в знании и хождении за лесом». Однако успешность этих попыток традиционно ставится под сомнение в историографии. Впрочем, данный вопрос может быть небезынтересным для дальнейших исследований⁴. С 1720-х годов к описанию лесов стали привлекать ученых-геодезистов, чья деятельность была связана с Академией наук и Географическим департаментом⁵.

В 1727 г. при посредничестве купца Говерса из Гамбурга были приглашены три немецких «лесных знателя», каждому из которых были предоставлены шесть учеников и рабочие из расчета два человека на каждые 2500 десятин. Надзору приглашенных специалистов вверялись все молодые леса и участки, которые предполагалось засеять.

Текст договора со специалистами — интересный памятник эпохи, характеризующий представления о том, что понималось под задачами лесоохраны в России изучаемого периода. Анализируя документ, Г.И. Редько обращает особое внимание на то, что специалисты объявлялись леса «содержать, как обыкновенно не токмо в Германии, но и лучше буде можно»⁶. Не менее примечательно то, что обязанности форстмейстеров не ограничивались тем, чтобы леса «ото всякого вреда, тако ж от гнилости и протчих повреждений охранять неотменно». Важной их задачей была также подготовка и организация лесозаготовок для нужд Адмиралтейств-коллегии: «...осмотреть места и вовремя к размножению и заготовлению лесов удобные к лутчей службе, а именно вся помянутым рекам надлежащая к заготовлению на коре-

ни леса в которых местах на что угодны найдитца могут и довольно ль число и какая потребу порознь годны и в которых местах натурою и крепостию других превосходят и каким образом заготовлять способнее и к пристаням вывозить и сплавлять безубыточнее»⁷. Разведение деревьев логически связано с заготовлением и доставкой. Охрана, разведение, заготовление и доставка в сознании автора документа неразрывно связаны. Лесное хозяйство, таким образом, оказывается особым родом земледелия. Перед форстмейстерами не стоит задача сбережения лесов как объекта природы. Их цель — отбор тех пород деревьев, которые представляют ценность для нужд кораблестроения, их разведение, уход за ними, обеспечивающий оптимальную форму (производилась подчистка деревьев, в ходе которой удалялись сучки и ветки; в результате деревья вырастали прямыми и высокими). Прочие же растения, не представляющие с государственной точки зрения хозяйственной ценности, охране не подлежали.

Как свидетельствуют рапорты знателей, в 1729 г. при Фалентине находились 4 ученика и 49 служителей-иноверцев, а с Зелгером работали 5 учеников, из них — 4 русских. В течение первых двух лет службы в России лесные знатели по указу Петра II изыскивали в Казанской губернии места, пригодные «к разводу молодых дубков». На основе этих изысканий помещикам и крестьянам предписывалось за особую плату выращивать корабельные деревья «рассаживанием и сеянием в приисканных местах вдоль Волги и по прочим рекам до 50 верст дубовых лесов».

За время работы в России Фалентин и Зелгер подчистили около 2 млн дубков от 6,4 до 10,2 см «по округлости». Кроме того, Зелгер со своими учениками и унтерфорстмейстерами «отыскали впредь к подчистке и для разводу лесов годного молодого дуба от Камского устья по нагорной стороне вверх по Волге до Суры расстоянием 300 верст на многие годы».

В 1734 г. Фалентин в связи с окончанием срока контракта попросил в Академии расчет. Ему было выдано все положенное, и осенью 1734 г. он уехал в Германию. Один из шести учеников Фалентина — Селиванов — до отъезда форстмейстера по его представлению был переведен в унтерфорстмейстеры. Остальные пятеро перешли в подчинение Зелгера с предписанием, чтобы он над ними «по должности имел крепкое смотрение, дабы они дело свое принимали и отправляли, как наилучше, в том обучать их с прилежанием». Таким образом, у Зелгера стало 15 учеников.

После смерти Зелгера в 1742 г. дубовые рощи и все лесные служители Казанской губернии были подчинены по старшинству унтерфорстмейстеру Ивану Селиванову. Селиванов оказался хорошим продолжателем дел Фалентина и Зелгера.

Дольше всех из приехавших специалистов в России работал Ф.Г. Фокель. Как наиболее опытный и авторитетный, он не был отправлен к Казанскому адмиралтейству, а остался в столице и стал «форстмейстером их императорских величеств». Круг его обязанностей и характер выполняемых работ были значительно шире и сложнее, чем у Зелгера и Фалентина. С 1727 по 1753 г. Ф.Г. Фокель ежегодно ездил по заданиям Адмиралтейств-коллегии в различные экспедиции, целью которых были поиск, обмер и описание лесов северо-западного региона империи. За 25 лет своей работы он разведал и описал значительные территории, составил книги и ландкарты обширных лесов Северо-Западного региона, определял места, занимался выращиванием корабельных лесов, начиная от разведывания пригодных для этого мест и заканчивая уходом за молодыми деревьями. Свою работу в России Ф.Г. Фогель начал с составления карт заповедных лесов в Поволжье — от Ярославля до верховий реки, описания лесов в Олонецком уезде по реке Свирь, Волхову, вокруг оз. Ильмень и по берегам впадающих в него рек. Произведя осмотр лесов по берегам р. Чагоды, он рапортовал об отсутствии пригодных для кораблестроения лесов в данном регионе, а в Выборгской губернии и по берегам Черной речки (в лесах Сестрорецкого завода) он вместе с помощниками и учениками обнаружил, заклеил и сдал под охрану местных приказчиков около 300 мачтовых сосен.

В марте 1732 г. он представил в Воинскую морскую комиссию проект «Каким образом надлежит поступать в разводе и в бережении дубовых рощ», месяц спустя — в экспедицию над верфями и строениями Адмиралтейств-коллегии «Особый регламент, который принадлежит должности форстмейстера с его потребными служителями». Параллельно он разрабатывает проект, который затем был утвержден указом императрицы и стал уставом «О севе и заводе для удовольствия Ее императорского величества флота вновь лесов». Еще несколькими месяцами позже он представляет в Адмиралтейств-коллегию записку «Каким образом надлежит поступать в разведении леса». Кабинетную работу по составлению инструкций и рекомендаций он успешно совмещал с разнообразной практической деятельностью. Он продолжает работу по описанию лесов Новгородской губернии (в окрестностях

Старой Руссы, по рекам Вишере, Плюссе, Луге), Ингерманландии, Березовых островов в Финском заливе, Галицком уезде Костромской губернии (по р. Двине).

В 1738 г. Ф.Г. Фокель получает задание найти удобное место для разведения лиственницы в Выборгском уезде. Таким местом стал холмистый берег реки Линдуловки. Согласно преданиям, это место было выбрано еще Петром I для выращивания корабельного леса для Кронштадтской верфи. Ф.Г. Фокель в течение 1738 и 1743–1750 гг. совместно с учениками Иваном Киприяновым, Матвеем Алшанским, Федотом Старостиным, Петром Павловым засеял два участка лиственничной рощи. Линдуловская роща в наши дни является уникальным природным заповедником. Средний запас древесины на первом посевном участке (1738) сегодня в два раза превышает запас древесины в коренных древостоях сосны и ели Северо-Западного региона.

Согласно условиям контракта Ф.Г. Фокель занимался подготовкой учеников. Во многом именно благодаря этому обязательству на свет появились его инструкции и регламенты. После смерти Ф.Г. Фокеля все его ученики, став унтер-форстмейстерами и вальдмейстерами, продолжали «приводить в известность» леса России, выделять и описывать корабельные рощи, составлять ландкарты. В свою очередь они подготовили собственных учеников. Именно эти специалисты-практики вместе с флотскими офицерами, мастерами кораблестроения и геодезистами составляли описи и карты, пока кадры лесоводов не начал готовить открытый в 1803 г. Царскосельский лесной институт.

Итогом многолетней практической деятельности Ф.Г. Фокеля в России стала книга «Собрание лесной науки», подготовленная им к 1752 г., одобренная на заседании Академии наук и вышедшая в свет спустя 13 лет после смерти автора, в 1766 г.⁸

В анонимном предисловии к книге подчеркивается важность работы по сохранению лесных богатств, отмечается печальное положение некогда изобильных лесами Италии и Германии и настоятельная необходимость предотвращения исчезновения лесов в России. Сам же Ф.Г. Фокель в первой вводной главе не упоминает о важности профилактических мероприятий; он отмечает высокое практическое значение зеленых насаждений и не жалеет красочных фраз, говоря о всевышнем промысле, благодаря которому на Земле существуют деревья. Свою книгу он в первую очередь адресует своим ученикам, желая пе-

редать опыт последующим поколениям лесников. Этот труд является справочником-учебником по лесоводству. Деление книги на главы соответствует различным породам деревьев. Автор стремится зафиксировать максимально полную информацию о том или ином растении. Подробно описывает его внешний вид, географию распространения, особенности, характерные в том или ином регионе, благоприятные и неблагоприятные факторы, оказывающие влияние на дерево, дает рекомендации по агротехнике, особое место отводится хозяйственной ценности каждой породы, при этом большое внимание он сосредоточивает на породах деревьев, используемых в судостроении⁹.

В 1773 г. выходит в свет «Лесной временник» — инструкция лесным надзирателям. Работа представляла собой авторизованный перевод немецкого издания. На титульном листе переводчик Краузолд отмечает, что труд «согласен со здешним климатом и иными примечаниями изъяснен»¹⁰. Хотя работа Бекмана подверглась сокрушительной критике современников (помимо целого ряда фактических ошибок, они упрекали автора в том, что задачи лесничего он видит слишком узко и считает достаточным лишь узкий круг чисто практических знаний)¹¹, она представляла большой интерес для России, где труд Фокеля успел стать библиографической редкостью. Отдельные части книги посвящены общим обязанностям «ферстера», помесечному расписанию его работ, рекомендациям, касающимся отдельных пород деревьев (общее описание, специфические особенности, разведение, применение древесины). Из текста Я.Г. Бекмана следует, что крестьяне часто причиняют вред лесным насаждениям не из дурных намерений, а «по простому своему мнению», незнанию. Добросовестная же работа ферстера должна способствовать прекращению вырубок ценных пород деревьев, нерациональному их использованию и другим действиям крестьян, причиняющим вред деревьям.

В 1786 г. вышла из печати первая часть «Описания растений Российского государства» П.С. Палласа — одного из авторитетнейших ученых-энциклопедистов немецкого происхождения, работавших в России. В книге «упомянуто обстоятельно о пользе как в домостроительстве, так в ремеслах и художествах и в лечебной науке, по колику она известна, о сеянии и разведении деревьев... с показанием, елико можно, стран, в коих оне и на какой земле в наибольшем количестве родятся...» В этом труде обстоятельно описаны основные внешние признаки наших лесных пород, их биология и экология¹².

Создание проекта лесного устава Екатериной II и подготовка законодательных актов, касающихся вопросов лесоустройства, не обходится без привлечения видных специалистов в этой области. В частности, известно, что в работе над ними участвовал П.С. Паллас¹³.

Попытка применить научные методы для решения практических задач обеспечения нужд казны древесиной не только посредством административных мер, но и с привлечением методов научного описания и исследования была для первой половины XVIII в. поистине инновационной. Научное лесоводство находилось в Европе на стадии становления. Связанные с ним области знания оставались неизученными. Научное лесоводство возникло как следствие повышения государственного интереса к проблеме истощения лесов и необходимости в связи с этим охранять природные ресурсы. Первое применение полученных учеными сведений на практике в более или менее ощутимых масштабах относится ко второй половине XVIII в. Опыты, поставленные в Пруссии и Саксонии, впоследствии послужили основой управления лесами в Европе и Северной Америке¹⁴. Приглашая именно немецких специалистов, русское правительство стремилось к импорту передовых европейских технологий и проявляло большую дальновидность по сравнению с другими странами, обратившими внимание на немецкий опыт изучения и охраны лесов значительно позже.

Немецкий подход к решению проблемы лесоохраны нашел благодарную почву в среде русского образованного общества. В 1765 г. было учреждено Вольное экономическое общество, в рамках деятельности которого, в частности, разрабатывались вопросы научного лесоводства. Рассматривая работы по научному лесоводству, изданные обществом, нетрудно заметить, что принцип научного изучения с целью эффективного использования ресурсов укоренился в среде русских естествоиспытателей. Вместе с тем они не следовали слепо европейским авторитетам, но стремились творчески переработать еще недавно импортированные идеи и собственным экспериментальным путем прийти к научно обоснованным выводам. В частности, А.Т. Болотов писал: «Примеры других государств показали мне первый след к достижению моего намерения. Я присовокупил к тому собственные свои примечания и, удостоверясь во всем, сколько мне успеть было можно делаемыми опытами, находил между тем многие и другие обстоятельства и вещи, которые <...> скорейшему отвращению или по крайней мере уменьшению недостатка в лесе и дровах поспешествовать могут»¹⁵.

Яркий пример такой работы — творчество одного из соучредителей Вольного экономического общества А.А. Нартова. Из шести его фундаментальных статей, опубликованных в трудах общества по различным вопросам лесного хозяйства, наибольшую известность получила работа «О посеве леса», вышедшая в свет в 1765 г.¹⁶ В ней содержится анализ взаимосвязи качества леса с условиями произрастания, в которых выделяются такие составляющие, как рельеф, почва, увлажнение и видовые характеристики деревьев. Причем, как отметил А.И. Демидов в его биографии, «пытливый ум А.А. Нартова привлек к анализу и тонкие вопросы взаимоотношений пионерных видов деревьев, которые лишь спустя 34 года в работе Ч. Дарвина “О происхождении видов” обрели свою терминологию — “борьба за существование”»¹⁷.

Другой выдающийся пример скрупулезного научного исследования лесов русским естествоиспытателем — труды А.Т. Болотова, которого часто называют одним из основоположников науки о лесе. А.Т. Болотов, продолжая традиции Ф.Г. Фокеля и Я.Г. Бекмана, дает подробное описание морфологии и биологии семян самых распространенных в центральной России деревьев, указывает время их созревания; кроме того, предлагает методику их сбора, выращивания в специальных питомниках и пересадки в леса. В качестве основных принципов лесоводства он называет непрерывность и постоянство пользования лесом. В основу разрабатываемых им правил вырубki лесов он закладывает принцип учета скорости естественного возобновления. Соответственно, он предлагает разделить хвойный лес на 80 частей, строевой (дуб, ясень, вяз, липа) — на 40, дровяной (береза и осина) — на 20. Годовая вырубка должна была, по его мысли, соответствовать приросту в данном лесу¹⁸.

Таким образом, немецкие идеи научного изучения лесов с целью их сохранения и рационального использования для развития экономики страны нашли благодатную почву в России. Они были восприняты, творчески переработаны и получили дальнейшее развитие в работах русских естествоиспытателей. В результате вчерашние «ученики» в лице русских естествоиспытателей обгоняют «учителей» — труды А.Т. Болотова, его идеи лесоразведения на несколько лет опередили появление аналогичных идей в немецкой специальной литературе.

1. Lowood H.E. The Calculating Forester: Quantification, Cameral Scienc, and the Emergence of Scientific Forestry Management in Germany // The Quantifying Spirit in the 18th Century. Berkley; Los Angeles; Oxford, 1990. P. 322–323.

2. Каримов А.Э. Государство, флот и леса: зарождение петровского лесного кадастра // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 3. С. 32–33.

3. Сенатский [указ] об определении вальдмейстеров для охранения в Казанской губернии и в других местах лесов годных к корабельному строению. 28 августа 1730 г. // ПСЗ I. Т. VIII. № 5611; Манифест о сбережении и употреблении корабельных лесов и о местах, в которых какие леса рубить позволяется или запрещается // Там же. № 6049.

4. Шелгунов Н.В. История русского лесного законодательства. СПб., 1857. С. 66–67.

5. Каримов А.Э. Государство, флот и леса. С. 35.

6. Редько Г.И. Лесной знатель Ф.Г. Фокель и его книга // Фокель Ф.Ф. Собрание лесной науки (вступ. ст.). С. 3.

7. Контракт 14 июля 1727 г. РГА ВМФ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 301. О принятии мер по охране дубового леса в Казанской губернии. Л. 12 об.—14 об.

8. Редько Г.И. Лесной знатель Ф.Г. Фокель. С. 3–26.

9. Фокель Ф.Г. Описание естественного состояния растущих в северных российских странах лесов с различными примечаниями и наставлениями, как оные разводить. СПб., 1766; *Он же*. Собрание лесной науки.

10. Бекман Я.Г. Лесной временник или росписание, касающееся до должности ферстера, то есть лесного надзирателя о производимых им в каждом месяце в целый год лесных исправлениях. СПб., 1773.

11. Пфайль В. Историческое обозрение способа преподавания лесных наук и образования лесных училищ // Лесной журнал, издаваемый Обществом для поощрения лесного хозяйства. 1833. Ч. 2. Кн. 2. С. 99–100.

12. Паллас П.С. Описание растений Российского государства с их изображениями. СПб., 1786.

13. Рудзкий А.Ф. Краткий очерк истории лесоустройства. СПб., 1889. С. 7–8.

14. Скотт Дж. Благими намерениями государства. М., 2005. С. 33.

15. Болотов А.Т. О рублении, поправлении и заведении лесов // Болотов А.Т. Избранные сочинения по агрономии, плодоводству, лесоводству, ботанике. М., 1952. С. 298.

16. Нартов А.А. О посеве леса // Труды Императорского Вольного экономического общества. СПб., 1765. Ч. 1. С. 28–35.

17. Демидов А.И. А.А. Нартов — первый русский лесовод // Лесное хозяйство. 1950. № 1.

18. Болотов А.Т. Избранные сочинения по агрономии, плодоводству, лесоводству, ботанике. М., 1952; Беспалов Ю.В. Андрей Тимофеевич Болотов — испытатель природы. Пушкино, 1988. С. 32–35; Приходько В.Е. Андрей Тимофеевич Болотов — выдающийся естествоиспытатель XVIII века. Пушкино, 1988. С. 5–6.